

А.Щ.: И так, вот-вот минет сто лет, как «в ночь со второго на третье... в девяносто одном ненадежном году» родился Осип Эмильевич Мандельштам. Насколько я знаю, это событие широко отмечается. А как и где?

П.Н.: Во-первых, этот юбилей внесен в Календарь памятных дат ЮНЕСКО на 1991 год. Иными словами, это такой же «Год Мандельштама», как и предыдущий год — «Год Пастернака», хотя такого понятия в официальном лексиконе ЮНЕСКО и не существует. В данном случае Исполком ЮНЕСКО не ограничился констатацией юбилея в календаре, а обратился ко всем странам с призывом достойно отметить эту дату.

А.Щ.: И как откликнулись у нас?

П.Н.: Ну, признаться, мы и не дожидались призыва со стороны ЮНЕСКО. Год назад был создан Всесоюзный Юбилейный комитет. Вот с чем мы пришли к столетию поэта: в трех городах — Ленинграде, Воронеже и Москве — будут открыты мемориальные доски на домах, где жил Осип Эмильевич (соответственно, 12, 14 и 15 января; в Москве — на Доме Герцена на Тверском бульваре, 11 ч. утра). Государственный литературный музей и ЦГАЛИ в Москве и Музей Анны Ахматовой в Фонтанном Доме в Ленинграде подготовили две выставки (поговаривают о совместном каталоге). Состоится Вторые мандельштамовские чтения с участием, на сей раз не только советских, но и ряда зарубежных исследователей: с 16 по 18 января они пройдут в Москве, а с 21 по 22 — в Ленинграде. В Москве, Воронеже и Ленинграде пройдут вечера (из московских отмечу вечера в Кинотеатре 15 января, в Колонном зале — 16-го и в ЦДЛ — 19 января). Кроме того, утром 19 января на могиле Н.Я.Мандельштам на Старокупецком кладбище состоится символическое захоронение частицы земли, доставленной в Москву с места братской могилы умерших на владивостокской пересылке зимой 1938—1939 годов, а днем возле камня-памятника на Лубянской площади митинг проведет «Мемориал». Предположительно 18 января состоится учредительное собрание Мандельштамовского общества.

А.Щ.: А что это за общество? Чем оно будет заниматься?

П.Н.: Это добровольная общественная некоммерческая организация при Русском советском Пен-центре. Оно будет заниматься просветительской, научно-сборительской и издательской деятельностью, но заведомо важнейшей его задачей станет организация Мандельштамовского культурного центра в Москве. Уже есть договоренность с Московской Независимой библиотекой об учреждении такого центра на базе одного из филиалов библиотеки: здесь будет развернута постоянно фотоэкспозиция, собрана массовая и научная литература, созданы различные картотеки (биографическая, библиографическая, изобразительная и т.д.). Со временем здесь будет и полное собрание ксерокопий мандельштамовских автографов, списков публикаций и других источников текста: уже ведутся переговоры по этому поводу с Библиотекой Принстонского университета в США, где хранятся подлинники уцелевшего архива поэта.

А.Щ.: Значит, основные источники текста, рукописи Мандельштама находятся за рубежом?

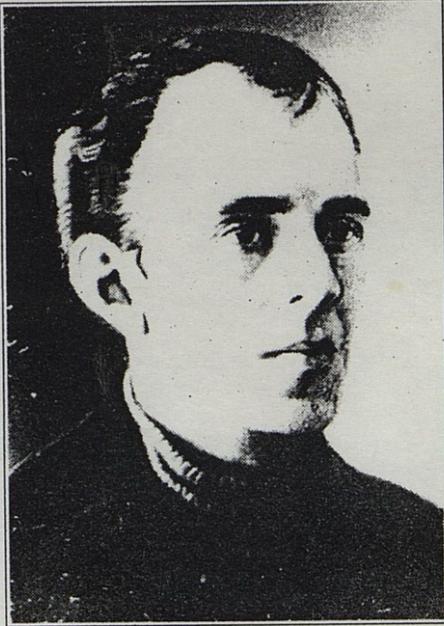
П.Н.: Совершенно верно. Надежда Яковлевна совершенно однозначно распорядилась на этот счет, и ее воля была еще при ее жизни выполнена (30 декабря 1990 г. уже 10 лет, как она умерла). И лучше за рубежом, но в целостности и сохранности, чем за семью заборами дома, на попечении компетентных во всех вопросах органов.

А.Щ.: Но, стало быть, вы сами работали над двухтомником в «Худлите», не имея доступа к рукописям?

П.Н.: Совершенно верно, я не имел доступа не только к подлинникам, но и к основному собранию фотокопий. Это прискорбно, но соответствует истине. Текстологической базой моего труда над этим изданием, кроме рассеянных по государственным и частным собраниям автографов и по газетам и журналам — публикациям, послужил архив покойной Ирины Михайловны Семенко — одного из лучших мандельштамовских текстологов. Ею был подготовлен корпус «Новых стихов», то есть стихотворений 30-

«Я РОЖДЕН В НОЧЬ СО ВТОРОГО НА ТРЕТЬЕ...»

С секретарем Комиссии по литературному наследию О.Э.Мандельштама при СП СССР Павлом НЕРЛЕРОМ беседует наш корреспондент Александр ЩУПЛОВ.

П.Н.: Это так, и не только для СССР, но и вообще впервые, хотя и с учетом только что прозвучавших оговорок об архиве. Это издание перекрывает зарубежный четырехтомник (впрочем, два ранних стихотворения — «Музыка твоих шагов...» и «Дождик ласковый, тихий и тонкий...» — все же «ускользнули» от меня). О 4-томнике же хочется сказать только слова признательности. По существу, сам факт его существования (неважно, что даже сослаться на него категорически запрещалось начальственным издательским мудрецами) был гарантом последующих изданий и после смерти травимого поэта на его родине, на родине подавляющего большинства его читателей.

А.Щ.: Если верить аннотациям, то в «худлитовском» двухтомнике впервые в СССР дается полный свод стихотворений Мандельштама. Так ли это?

П.Н.: Это так, и не только для СССР, но и вообще впервые, хотя и с учетом только что прозвучавших оговорок об архиве. Это издание перекрывает зарубежный четырехтомник (впрочем, два ранних стихотворения — «Музыка твоих шагов...» и «Дождик ласковый, тихий и тонкий...» — все же «ускользнули» от меня). О 4-томнике же хочется сказать только слова признательности. По существу, сам факт его существования (неважно, что даже сослаться на него категорически запрещалось начальственным издательским мудрецами) был гарантом последующих изданий и после смерти травимого поэта на его родине, на родине подавляющего большинства его читателей.

В наш поэтический том вошли и детские, и шуточные стихи. В приложении сведены разные редакции и наброски, а также экспромты, отрывки и строчки из утерянных или уничтоженных стихов. Весьма объемны и примечания, но они, вобрав в себя множество различных сведений, не претендуют на столь желательную в случае Мандельштама аналитичность. Частично это восполнено, на мой взгляд, очень насыщенной вступительной статьей С.С.Аверинцева (он же принимал участие в составлении 2-го тома, тогда как известный медиевист А.Д.Михайлов выступил — и тоже во 2-м томе — как текстолог и комментатор переводов Мандельштама из старофранцузского эпоса).

А.Щ.: Стало быть, Нерлер не очень доволен «своим» изданием Мандельштама?

П.Н.: И да, и нет. По-человечески я очень рад, но не могу сказать, что справился со всеми трудностями, с которыми столкнулся.

В «застойные времена», когда хорошие книги были редкостью, издательство самоотверженно «дозировало» их появление («Да вы что! Никакого Мандельштама в будущем году! У нас уже стоит в плане Пастернак!» и т.д.), и шли они долго — годами, почти десятилетиями. Томик в «Библиотеке поэта» был объявлен в 56-м году, а вышел в 73-м; книгою «Слово и культура», при всей поддержке покойных Константина Симонова и Игоря Бузылева, издательство «Советский писатель» было беременно ровно 9 лет. Рукописи коржились, пекраивались, купировались в редак-

торских кабинетах и главлитовских столовых, составителей ставили перед фактом, и лучшие из читателей вправе упрекнуть того же Нерлера за проявленный им в том случае конформизм. Покойный Лев Алексеевич Шубин, многоопытный первый редактор книги, любил повторять, что мы взяли за шахматную партию с чертом, и что бы мы ни делали, все равно проиграем. И действительно, все то, что нам удалось в свое время «отстоять», «отбить» или «восстановить», соизмеримо ли с потерями, с тем, что в книгу так и не вошли такие статьи, как «Гуманизм и современность», «Пшеница человеческая», «Скрябин и христианство», «Михоэлс», и другие? Утешаешься тем лишь, что в тогдашних условиях двигаться можно было только «мелкими перебежками». Но и ради успеха даже промежуточных этапов приходилось прикладывать исключительные усилия.

Сейчас все перевернулось, но константа «ненормальности» сохранилась. Раньше рассчитанный на 2—3 года труд отнимал 9 лет, львиная доля которых имела лишь косвенное отношение к собственно творческой задаче. Сейчас на такую же по потребному времени работу отвелт лишь год, если не меньше, и уже не цензура и не какой-нибудь влиятельный, пустобрех будут на тебя давить, а ты сам со своим дефицитом времени. Если вернуться к шахматной образности Льва Шубина, то ты сядишься сразиться с самим собой и все время находишься в цейтноте: и именно цейтнот заставляет ошибаться и во вполне спокойной или даже «выигрышной» ситуации. И как бы ни были самоотверженны и доброжелательны все, кто работает над книгой, — а я тут должен добрым словом помянуть и техреда, и корректора, и редактора, и заведующую редакцией, и даже директора издательства, — ошибки и опечатки, увы, все равно неизбежны.

Они «вылезали» и тогда, когда первый том был в типографии, и на них было указано в самом конце второго тома; вылезают они, к сожалению, и теперь, когда том уже вышел. Воспользуюсь этой возможностью и исправлю через вашу газету хотя бы несколько. На с. 145 в стихотворении «Московский дождик» в стихе 9-м надо «И свежих капель виноградник» (в книге «Из»), а в стихотворении «Век» (с. 146) в стихе 3-м заключительной строфы правильно было бы: «И горячей рыбой мечет». В стихотворении «О, этот медленный, одышливый простор!» (с. 231) в стихе 6-м надо: «На берегах зубчатых Камы» (было «зубчатой»). Незамеченной осталась и ошибка в примечаниях к стихотворению «Ласточка» (с. 489): в приведенном здесь черновом наброске исправления нужны в стихах 3-м и 7-м — «упованье» вместо «узнаванья» и «Легкою посланницей» вместо «легкой пленницей» (принимая свои извинения А.А.Морозову, чьим прочтением — так мною искаженным! — я воспользовался).

Искаженным оказался текст стихотворения «Среди лесов, унылых и заброшенных...» (с. 260): в строфе 2-й следует читать: «Пускай гниют колосья перезревшие!» и «И не сносить вам, честные и смелые» и др. «Всплыли» и два ранних стихотворения, не попавшие в корпус. (От редакции: эти стихи, как и другие неопубликованные произведения поэта, с любезного разрешения П.Нерлера, будут опубликованы в ближайшее время в «КО»).

А.Щ.: А что вы можете сказать о других изданиях Мандельштама, появившихся в предъюбилейном году?

П.Н.: Я бы разбил их на три группы. Первая — книги самого Мандельштама. Всех опередило таллинское издание «Ээсти раамат», вслед за ним в 1989 году выпустило свой томик ереванское издательство «Хорурдаин гроз». В 1990 го-

ду вышли сборники Мандельштама в издательствах Тбилиси, Томска, Алматы, Перми, Петрозаводска, Владивостока, Иркутска, Ижевска и Магадана (в последнем случае это переиздание таллинского «Избранного»). В большинстве своем это популярные издания, нередко со следами спешки и жажды коммерческого успеха. Не обобщаю, ибо не все перечисленные издания держал в руках. К тому же ряд серьезных изданий должен появиться в наступившем году. Но хочу воспользоваться трибуной «Книжного обозрения» и обратиться к издательствам, издающим Мандельштама, с двумя просьбами: первая — присылать экземпляры своей продукции в Комиссию по литературному наследию О.Э.Мандельштама для после уходящей их передачи в фонд Мандельштамовского культурного центра; и вторая — зарезервировать часть прибыли от этих изданий для материальной поддержки будущего Мандельштамовского общества.

Вторая группа — книги Надежды Яковлевны Мандельштам: «Воспоминания» (М.: Книга, 1989) и «Вторая книга» (М.: Московский рабочий, 1990). Это очень ценные издания, отличающиеся от западных первопубликаций выверенным и уточненным текстом и очень ценными примечаниями. Наконец, третья — это, условно говоря, «Мандельштамовские сборники». Первый из них вышел в середине 1990 года в издательстве Воронежского университета и явился прекрасным камертоном для всех последующих. Второй — под названием «Слово и судьба» (в основном это материалы Первых мандельштамовских чтений) — издательство «Наука» обещало выпустить к юбилею; и, наконец, третий — «Сохрани мою речь...» — подготовлен Инициативной группой по созданию Мандельштамовского общества и выпускается новым издательским предприятием «Обновление» на основе материалов, подобранных для «мандельштамовского» — приказавшего долго жить — выпуска «Досье» — приложения к «Литературке». В каждом из этих сборников читатель найдет неизвестные тексты Мандельштама, воспоминания и другие материалы о нем.

Насколько я знаю, широко откликаются на мандельштамовский юбилей и журналы. Традиционный «именный» номер подготовило «Литературное обозрение», а в «Литературной учебе», наряду с прочими материалами, увидит свет почти полная художественная иконография Мандельштама.

А.Щ.: Скажите, Павел, какие, на ваш взгляд, основные «белые пятна» мандельштамоведения?

П.Н.: Мандельштамом во всем мире занимаются очень много и очень давно. Исследованы малейшие нюансы его ритмики, поэтики, выявлены многочисленные подтексты, часто не стыкующиеся друг с другом. Но нет некоего обобщения этой традиционной для мандельштамоведения линии.

За последние годы было выявлено немало ценнейших биографических сведений о Мандельштаме. Но опять-таки: нет обобщающей биографии поэта. Впрочем, и в самой биографии хватает того, что вы обозначили как «белые пятна», хотя иной раз их было бы уместнее обозвать «черными». Нам еще многое предстоит выяснить о детстве поэта, о его пребывании на Лубянке (пока что из следственного дела 1934 года выпорхнул лишь один листик с автографом «Мы живем, под собою не чуя страны...»).

О текстологии я уже говорил. По существу как цельная задача она еще только «начинается» — с тем чтобы разрешиться в рамках задуманной академического многотомника под редакцией М.Л.Гаспарова и С.С.Аверинцева.

Многое может дать и библиографический розыск. Ведь до сих пор не найдены некоторые из публикаций поэта, о которых есть какие-то свидетельства и указания (например, стихотворения в Воронеже).

